

КРЕЙДЛИН Г. Е., ПОЛИВАНОВА А. К.

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

К числу служебных обычно относят слова, не попавшие в разряд бесспорных существительных, глаголов, прилагательных, числительных, местоимений и наречий. Не имея «самостоятельного» номинативного значения, не имея словоизменения, они составляют некую «аморфную» массу как бы не подлежащих систематическому описанию лексических единиц. Действительно, поведение каждого отдельного слова из числа «служебных» почти что уникально, а выявление *principium divisionis* даже для таких общеизвестных групп, как «союз», «предлог», «частица», наталкивается на серьезные трудности: недопустимо велико число лексических единиц, просто выпадающих из классификации. Уже одно это свидетельствует о том, что содержательное межлексемное сопоставление служебных слов невозможно без выявления и фиксации большого числа разнородных параметров, и предполагает в качестве предварительного этапа подробное лексикографическое описание сопоставляемых единиц. Подчеркнем, что утверждение необходимости сплошного лексикографического обследования этой области отнюдь не означает утверждения отсутствия системности в ее организации.

В настоящей статье представлены первые результаты предпринятой авторами работы по составлению словаря служебных слов русского языка¹. Статья состоит из трех параграфов: в § 1 — обсуждаются самые общие принципы, положенные в основу составления словаря; в § 2 — приводится краткое описание схемы словарной статьи, в § 3 — даются образцы статей.

§ 1. О семантико-синтаксических особенностях служебных слов

Задача создаваемого словаря — описать поведение служебных слов в тексте. Каждая отдельная статья строится с таким расчетом, чтобы читатель мог, во-первых, оденить произвольное речевое произведение, содержащее данное служебное слово, как правильное относительно данного слова (т. е. предусмотренное и не запрещенное словарем), или неправильное (т. е. как запрещенное словарем), или, наконец, как потенциальное (т. е. не предусмотренное, но и не запрещенное); во-вторых, определить возможный спектр осмыслений речевого произведения, содержащего данное служебное слово, при условии, что ему известны возможные осмысления остаточной части или остаточных частей анализируемого речевого произведения. Оказалось, что найденный способ решения поставленной задачи

¹ Хотя основная цель составления словаря — получение данных, необходимых для решения ряда чисто исследовательских задач, оформление словаря допускает его практическое использование читателями разных категорий — от школьников до профессиональных лингвистов.

снимает актуальность известного вопроса о том, имеют ли служебные слова лексические (или номинативные) значения. В рамках настоящей статьи этот вопрос не может быть не только обсужден, но даже и поставлен с надлежащей строгостью, т. к. прежде всего необходимо было бы уточнить само понятие лексического значения.

Если принять, что самостоятельным словам отвечают семантемы, в норме незамкнутые семантемы (т. е. выражения, состоящие из семантических констант и переменных), замыкаемые в речевом употреблении, то служебным словам отвечают образования иного рода — это операторы, операндами которых являются замкнутые семантемы или связки таких семант (т. е. это сущности, не имеющие фиксированных образов в модели). Результат применения оператора к своим операндам (в данном случае, служебных слов к обрабатываемым семантемам или связкам семантем, в частности, «предложениям») — это сущность иногда того же сорта, что и операнды (или один из операндов), а иногда — сущность другого сорта². Ср., с одной стороны, *Этот стол Петя сделал сам* и *Этот стол, включая ножки, Петя сделал сам* или *пирожок* и *пирожок с вареньем*, с другой стороны: *Петя пришел* и *Тем не менее, Петя пришел* или *Вопрос остался нерешенным* и *Тем самым, вопрос остался перешенным*³.

В указанном аспекте служебные слова сближаются с семантически наполненными грамматическими категориями типа глагольного вида в русском языке или артикля современных европейских языков, функция которых сводится к указанию об определенном способе преобразования интерпретации лексем — носителей этих грамматических противопоставлений⁴.

Отметим, что грамматические категории операторного рода формируют, как и всякие другие грамматические категории, оппозиции, а слова-семантемы в норме не организуются в оппозиции; тогда как служебные слова, будучи операторными, по своему существу не организуются в оппозиции, так же как и слова-семантемы⁵. Вопрос о том, следует ли смысловое содержание служебных слов называть тем не менее значением или его следует называть как-то иначе — это уже вопрос терминологический и потому скорее всего несущественный.

Служебные слова предъявляют очень жесткие требования к контексту, назначение которых в целом — обеспечить применимость тех логико-семантических операций, которые заключены в данном служебном слове. Однако оказывается, что эти требования, даже в тех случаях, когда их удается сформулировать в явном виде, носят подчас непривычный для классической лексической семантики характер: их нельзя квалифицировать ни как собственно синтаксические, ни как поверхностно- или глу-

² Под семантическими константами понимаются смысловые атомы, термы и т. п., т. е. единицы, получающие фиксированные объектные образы в модели. Отметим также, что под сортами сущностей понимаются типы объектов в том смысле, как это принято в многосортных логиках.

³ Заметим, что среди служебных слов есть такие, которые требуют односортности своих операндов (таковы, например, простейшие сочинительные союзы), но есть и такие, операнды которых непременно разносортные (например, *включая*, *даже*, *только*). Это деление — едва ли не самое важное, определяющее всю систему служебных слов.

⁴ Лингвистическое осмысление особенностей обсуждаемого типа смысловых механизмов естественных языков впервые предложил Р. О. Якобсон в своей известной статье о «шифтерах» [1].

⁵ В этой связи хочется подчеркнуть, что из двух крайне упрощающих позиций (игнорирующих факт обсуждаемого различия в статусе лексических единиц) практически более эффективной представляется позиция, рассматривающая «все слова вообще как операторы», а не «все слова вообще как константные семантемы». В самом деле, любое слово — это скорее определенная инструкция к выработке интерпретации, чем просто имя определенного фрагмента модели действительности.

бинно-семантические. Содержательно эти требования сводятся к возможности в ы я в и т ь и о с м ы с л и т ь какие-то определенные компоненты контекста каким-то определенным образом. Так, например, неправомерность предложения* *Хорошо тому, у кого есть дети, включая дочь* следует, на наш взгляд, из того, что остаточная часть этого предложения *Хорошо тому, у кого есть дети...* не позволяет с достаточной определенностью осмыслить то «целое», в которое входит элемент «дочь», между тем как интерпретация речевого произведения с оборотом *включая X* требует интерпретации целого множества *M* и его части (или элемента) *X*, включение которого в это целое и утверждается данным оборотом. Ср.: *Хорошо тому, у кого есть все учебные пособия, включая карты*. Множество *M*, названное здесь «все учебные пособия», то ли включает «карты», то ли нет. Необходимо также, чтобы *X*, включение которого в *M* утверждается, лежало бы на периферии множества *M*, а не в его центре, т. е. чтобы соответствующее множество *M* (т. е. *M* без *X*) достаточно естественно осмыслялось как уже целое. Поэтому из двух предложений *У него есть все английские авторы, включая Шекспира* и *У него есть все английские авторы, включая Остин* первое более естественно с прагматической точки зрения (см. статью *включая* в § 3).

Лексикографическая практика последних десятилетий, отправляясь от пионерских работ Московской семантической школы, утвердила тезис, согласно которому каркас данного слова составляет его толкование и ограничения на заполнение мест. Как известно, информация, содержащаяся в этих двух зонах, допускает известное перераспределение, а принципиальных соображений, определяющих границы между ними, сформулировано в явном виде не было. Тем не менее, сообразуясь с интуицией и укоренившейся традицией, лексикограф-практик способен оценить с той или иной степенью уверенности, относятся ли данные сведения к компетенции «толкования» или к компетенции «ограничений». В этом смысле можно считать общепризнанным утверждение, в соответствии с которым, если речь идет о служебных словах, то основная масса информации сосредоточена в ограничениях на заполнение мест (ср. [2]). Единообразная лексикографическая обработка достаточно представительного корпуса служебных слов русского языка позволяет дать следующее теоретическое осмысление этого наблюдаемого явления.

Предмет лексической семантики — полнозначные слова (или, во всяком случае, в первую очередь — полнозначные слова). Задачи этой лингвистической дисциплины удастся сформулировать, опираясь на понятие синонимических преобразований, без привлечения представлений об интерпретации (т. е. без привлечения теоретико-модельных приемов исследования). Напомним в этой связи, что одно из наиболее фундаментальных исследований последних лет в области лексической семантики — монография Ю. Д. Апресяна [3] имеет подзаголовок «Синонимические средства языка», т. е. задача описания семантики лексических единиц решается в данной монографии единственно через посредство синонимических и квазисинонимических преобразований. Служебные слова, на наш взгляд, естественно рассматривать в рамках той дисциплины, которую можно было бы назвать интерпретационной семантикой, дисциплины, задачи которой не могут быть сформулированы без привлечения теоретико-модельных приемов исследования⁶.

⁶ Вопрос о том, можно ли тем не менее построить адекватное описание служебных слов в рамках понятийного аппарата классической лексической семантики, никоим образом не может получить а priori отрицательного ответа. Здесь мы сталкиваемся

Проблемы интерпретации языковых выражений успешно разрабатываются в прикладной лингвистике, имеющей дело с резким сужением как разнообразия языковых форм, так и разнообразия предметной области (см., например, из отечественных авторов работу [5]). В теоретической лингвистике, имеющей дело с неограниченным разнообразием естественно-языковых форм и неограниченным разнообразием действительного мира, описываемого этими формами, соответствующая проблематика почти совсем не разрабатывается⁷. Соответственно, адекватный понятийный аппарат еще не создан, адекватный инструмент описания не сформировался. Оглядываясь назад, можно заметить, что разработка понятийного аппарата современной семантики сопровождалась постепенным проникновением в лингвистический обиход отдельных понятий и символики, взятых из математической логики. Этому сопутствовало непрерывное накопление новых лингвистических данных, однако прямое заимствование аппарата математической логики отнюдь не всегда оказывалось удачным. Тем более не может быть и речи о прямом заимствовании в случае интерпретационной семантики. Разработка аппарата интерпретационной семантики в применении к естественному языку — задача весьма сложная в силу следующих двух обстоятельств: во-первых, теоретико-модельное исследование фактов естественного языка сопряжено с целым рядом серьезных теоретических проблем, не получивших ясной разработки и в самой логике, во-вторых, — и это главное — в самой лингвистике отсутствует необходимый фонд надежных эмпирических исследований. Таким образом, создается как бы замкнутый круг: для повышения надежности конкретных исследований необходимо создание аппарата, которое тормозится отсутствием экспериментальных данных. В сложившейся ситуации мы считаем наиболее целесообразным, и, может быть, единственно возможным некоторый компромисс: не спешить с доведением разрабатываемого понятийного аппарата до необходимого уровня формальной строгости, но, оставляя известную меру произвольности и приближенности, собрать вместе данные, представляя их в форме, максимально свободной от специфики какого бы то ни было конкретного формализма. Эту методическую установку отражает и реально используемый в словаре метаязык. В ряде случаев мы сознательно прибегаем к приему изложения на примерах, и не пытаемся показать ценность приводимого примера в явном виде: попытка это сделать эксплицитно была бы в таких случаях не только неоправданно громоздкой, но, быть может, и вовсе ошибочной. Мы избегаем также формальных остроумий и там, где, казалось бы, содержательных неясностей уже нет. Отдельные фрагменты, допускающие вполне точное, формальное описание, служат своеобразными островками, пунктами «примерок» той теории, которая, оказавшись она адекватной для достаточно широкого массива данных, заслуживала бы уже попытки формализации. В качестве иллюстрации рассмотрим один такой фрагмент.

Понятия центра ($M_{центр}$) и периферии ($M_{периф}$) некоторого множества M , которое задается данной именной группой α в данном речевом произведении, могут быть описаны так.

с достаточно нетривиальными теоретическими проблемами, связанными с соотношением между синтаксисом и семантикой в том понимании этих слов, которое они имеют в математической логике. Заметим, что синтаксису при этом отвечает лексическая семантика, а семантике — интерпретационная семантика (см. об этом подробнее в [4]).

⁷ Едва ли не единственное исключение составляет так называемая проблема референционного статуса именных групп (см., например, работы [6—9]).

Пусть $M = \{m_1, m_2, \dots, m_n, \dots\}$ — множество объектов, идентифицируемых во множестве миров $W^{A_1}, W^{A_2}, \dots, W^{A_i}, \dots$, варьируемых по мнениям носителей A_i , т. е. таких, для которых истинно:

$$(\forall i, j, k, l) [A_i / (m_k = m_l) \Rightarrow A_j / (m_k = m_l)],$$

где выражение вида $A_i / (P)$ читается как « P истинно в мире W^{A_i} ».

Введем вспомогательную форму от переменных m и α : $E(m, \alpha)$ — читаем: « m есть α » или « m входит в категорию объектов из M , именуемых языковым выражением α ». Тогда форма $A_i / (E(m, \alpha))$ обращается в истинное утверждение при тех m , α и A_i , при которых $E(m, \alpha)$ — истинно в мире W^{A_i} , в остальных случаях (при других m , α или A_i) — она ложна или неопределенна. Теперь мы можем определить понятие центра (и, соответственно, периферии) множества M : $M_{\text{центр}}$ и $M_{\text{периф}}$. $M_{\text{центр}}$ — центр множества $M \Leftarrow (\forall i) (\forall m \in M_{\text{центр}}) [A_i / E(m, \alpha)]$. $M_{\text{периф}}$ — периферия множества $M \Leftarrow M_{\text{периф}} = M \setminus M_{\text{центр}}$ (т. е. существует такое $\bar{i}$ и такое $\bar{m}$, которое обращает форму $A_i / E(m, \alpha)$ в ложное или неопределенное высказывание). Представленная здесь в символическом виде ⁸ дефиниция центра и периферии может иметь следующее прочтение (быть может, после нескольких упрощающих перифразирований):

«некоторый объект m_i входит в периферию множества M (т. е. в $M_{\text{периф}}$), описываемого языковым выражением α , если найдутся компетентные носители языка, сомневающиеся в том, что m_i обязательно входит в M (или отрицающие это)».

Или еще проще:

«центр множества M — $M_{\text{центр}}$ — составляют такие объекты, которые обязательно входят в M с точки зрения всех носителей языка, а периферию — объекты, по поводу которых могут возникать сомнения» ⁹.

§ 2. Схема словарной статьи

Несмотря на то, что служебные слова чрезвычайно разнообразны и даже уникальны по своему семантическому и грамматическому поведению, их лексикографическое описание удастся известным образом стандартизовать. Такую стандартизацию обеспечивает единая для всех служебных слов схема словарной статьи. Эта схема достаточно свободна и определяет лишь границы между разными типами приписываемой информации. Заранее исчислить все возможные способы заполнения всех намеченных зон и отдельных пунктов зон для данной группы лексики практически невозможно. Напротив, данные полученные в результате систематической лексикографической обработки всего корпуса служебных слов, можно будет положить в основу достаточно строгой и одновременно содержательной их классификации.

В предлагаемом описании схемы словарной статьи все технические, не принципиальные детали, связанные с оформлением, опущены.

Зона 1. Имя во а б у л у и п р и м ы к а ю щ и е с в е д е н и я. К примыкающим сведениям мы относим, во-первых, информацию о семантико-грамматическом разряде слова; во-вторых, сведения о

⁸ Легко видеть, что приведенная запись не есть формальное выражение в точном смысле слова: ведь отсутствует соответствующий формальный язык. Она дает разве что приближенное представление о некотором возможном здесь формализме.

⁹ Ср. замечание Ю. И. Манина [10] об эвристической ценности «арго» и соотношении выражений формального языка науки и их естественно-языковых прочтений.

наличии фонетико-морфологических вариантов; в-третьих, простейшие сведения о пунктуации.

В связи с разрядами необходимо сделать следующие два важных замечания: о принципах выделения и приписывания разрядов и о границах самого понятия служебного слова. Эти замечания неизбежно сталкивают нас с проблемами, фундаментальными для теории служебных слов. Сколько-нибудь серьезное решение рассматриваемых вопросов требует введения обоснованной системы классификационных признаков, учитывающих, с одной стороны, поведение служебных слов в тексте, а с другой — системы оппозиций, имеющих место как внутри самих служебных слов, так и между служебными и полнозначными словами. Необходимо подчеркнуть, что здесь, как и в других случаях, например, в фонологии, система признаков такого рода призвана не только задавать классификацию, но и формировать самую предметную область этой классификации. Соответственно, ответ на вопрос, принадлежит ли данное слово к числу служебных, требует обращения к той же системе признаков, которая обеспечивает и ответ на вопрос, к какому разряду принадлежит некоторое слово, уже квалифицированное как служебное. Не имея возможности в рамках данной статьи развить более подробно затронутую здесь лингвистическую проблематику, укажем лишь технические решения, принятые пока, в условном порядке, при работе над словарем.

К служебным словам отнесены все слова, не имеющие форм словоизменения. Таким образом, здесь принят непривычно широкий взгляд на объем этого понятия. Проигрывая в совпадении с интуитивным представлением о классе служебных слов (главным образом, за счет регулярных наречий типа *по-хорошему, своеобразно, быстро*), мы, однако, получаем несомненный выигрыш в четкости границ¹⁰.

Информация о семантико-грамматическом разряде слова дается в системе помет, зафиксированной в Грамматическом словаре А. А. Зализняка [11].

Зона 2. Толкование. Особенности логико-семантической структуры служебных слов требуют выработки некоторой специфической формы лексикографического описания их «значений». При разработке этой формы мы стремились найти практически приемлемый компромисс между двумя крайностями. Первая — заменить описание операционного механизма, общего для всех употреблений данного слова, естественно-языковыми примерами, из которых читатель сам должен извлекать представление о грамматико-семантической функции описываемого слова (к этому способу сводится, как правило, описание служебных слов в традиционных толковых словарях). Вторая — использовать для описания этого операционного механизма какой-нибудь специально разработанный для этих целей формализм. Дополнительное распределение достоинств и недостатков каждого из крайних способов очевидно. Принятый способ описания может быть определен как известное преобразование выражений (формул) специального метаязыка. А именно: 1) переменные в формулах простейшими естественно-языковыми выражениями (рядом в скобках указывается символ, обозначающий соответствующую переменную); 2) предикаты, кванторы, связки и прочие содержательные элементы формализма заменены выражениями русского языка, представляющими их прочтения. В этом смысле фрагмент толкования «родственники входят

¹⁰ В данной статье не обсуждаются технические приемы практической компрессии словника.

в число гостей» отвечает выражению $X \in M$ (см. статью *включая*); фрагмент толкования «какая-то группа людей опоздала на доклад» соответствует выражению $(\exists K) \{K \subseteq \{\text{люди}\} \ \& \ (\forall k \in K) [P(k)]\}$ ¹¹.

Вопрос о теоретическом статусе используемых в этой зоне выражений отсылает нас к глубоким логико-лингвистическим проблемам, прекрасный разбор которых, в доступной для лингвиста форме, находим, например, в книге Ю. И. Манина [12]. Практически используемый язык оправдал себя как удобный для составителей и приемлемый для читателей, при этом по богатству и точности своих средств он отвечает тому уровню подробности лингвистической разработки, который принят авторами в качестве рабочего объема приписываемых сведений.

Заметим, что в общем случае разбиение вокабулы на подвокабулы, т. е. отдельные словарные статьи, целиком зависит от принятого в данном случае языка описания. В самом деле, ведь два употребления входят в одну словарную статью тогда и только тогда, когда тождественны лексикографические характеристики, приписываемые данным словарем. В настоящем словаре, однако, мы сочли целесообразным в ряде случаев расщеплять толкования и тогда, когда расщепленные единицы легко сводятся одна к другой, т. е. представляют поверхностные варианты одной и той же лексикографической единицы по отношению к используемому языку толкований. Такие подтолкования отделяются цифрами в квадратиках:

[1]

, [2]

и т. д. Так же, как и в обычных толковых словарях, деление на подзначения требует тактичного компромисса между теоретической строгостью и практическим удобством. Соответственно и квадратики — это выработанный практикой рабочий компромисс, по отношению к которому соблюдение требования лексикографической сопоставимости не входило в задачу составителей.

З о н а 3. В а л е н т н а я с т р у к т у р а. Представление о валентной структуре слов в настоящее время не достигло еще желательной ясности и четкости, что, в частности, проявляется в терминологической небрежности: валентности, переменные, связи и даже актанты слова нередко фигурируют в лингвистических работах как синонимы; в лучшем случае разные авторы проводят различие соответствующих понятий по-своему. Нет необходимой ясности и в различении типов связи, не разработан также и язык для ограничений на заполнение тех или иных мест (= требований к операндам). Однако задача окончательной разработки соответствующего фрагмента лексикографической теории в самой своей постановке должна быть признана преждевременной по объективным причинам: к сегодняшнему дню в лингвистической практике еще не накоплен эмпирический материал, достаточный для обобщения. Соответственно, здесь мы ограничиваемся стремлением к одной лишь содержательной понятности.

В зоне 3 указываются обязательные смысловые связи (семантические и синтаксические валентности) и ограничения на способы их насыщения. Кратких пояснений заслуживают следующие вопросы: 1) о направлении связи (ср. активные и пассивные синтаксические валентности); 2) об обя-

¹¹ Приведенную формулу не следует понимать как конкретное выражение определенного формализма. Статус подобных выражений, рассматриваемых авторами в рабочем порядке, иной: являясь полуфабрикатами, полученными при переходе «от арго к их формальным прообразам», они служат важными эвристическими ориентирами. Понятно, что как таковые они и не должны включаться в окончательный текст словаря.

зательности/факультативности валентностей; 3) об интерпретации мест и 4) о типе информации, фигурирующей в «ограничениях на заполнение мест».

1) О направлении связи. Вопрос о направлении синтаксических связей, как известно, достаточно сложный и для многих служебных слов, в традиционной грамматике вовсе не рассматривается. Так, школьная и даже академическая грамматика нередко обходят многие трудные вопросы синтаксиса словосочетаний с помощью следующих двух бессодержательных, на наш взгляд, приемов: а) исключения ряда «трудных» слов из числа так называемых членов предложения. Так, слова *однако*, *кроме*, *опять* просто не считаются членами предложения и, соответственно, не являются узлами синтаксического графа (т. е. не «выпускают из себя» и «не принимают в себя» стрелочек синтаксических связей или б) признания словосочетания единым членом предложения (таковы, например, сочетания *большинство ученых*, *три медведя*, *корзина грибов* и т. п.). Для нас оказывается несущественным различие между синтаксически подчиненными и синтаксически подчиняющими словами: ограничительные требования, являющиеся словарной характеристикой данного служебного слова S_0 , могут относиться как к его хозяину, так и к его слуге. Это свойство служебных слов — высокая избирательность по отношению не только к слугам, но и к хозяевам и даже к словам, непосредственно синтаксически не связанным с данным словом, — прямое следствие их роли в кодировке смысла высказывания: не сочетаться с теми или иными смысловыми фрагментами, не замещать переменные в тех или иных смысловых формах, т. е. замыкать незамкнутые семантемы, а формировать смысловые выражения из других готовых смысловых выражений. Как уже говорилось, с точки зрения служебного слова связанные с ним компоненты высказывания независимо от их синтаксического статуса, вплоть до синтаксически не связанных, являются его операндами и как таковые должны удовлетворять требованиям, обеспечивающим выполнимость самой операции. Так, операндами слова *включая* в предложении *Этот стол, включая ножики, Петя сделал сам* оказываются «этот стол», «ножики» и утверждение о деятельности Пети (см. словарную статью *включая*). Очевидно, что связи между служебным словом и его операндами в общем случае не обязаны совпадать ни с какими другими типами связи.

2) Об обязательности. В вопросе об обязательности насыщения тех или иных валентностей, как известно, необходимо различать поверхностную и глубинную обязательность. Очевидно, что на глубинном уровне все операнды данного слова S_0 должны быть явно представлены. Однако процедура обнаружения операндов S_0 по его поверхностному контексту бывает часто весьма нетривиальна, в силу чего вопрос, считать ли данное слово α в окружении S_0 представителем какого-то S_0 -операнда или нет, часто оказывается не имеющим однозначного и простого решения. Практически в неясных случаях мы принимаем какие-то условные рабочие соглашения, исходя из того, что в общем случае вовсе не всегда все операнды данного S_0 должны быть явно представлены в тексте и, более того, отсутствие языковых выражений, отвечающих операндам данного S_0 — это нормальный случай.

Следует заметить, что задача обнаружения и приписывания операндов данному служебному слову S_0 , решаемая исследователем — конструктором словаря — на несколько порядков проще задачи разработки алгоритма, обеспечивающего поиск их языковых аналогов в произвольном речевом произведении. Последняя является весьма непростой и для полно-

значных слов. В случае же служебных — она ставит исследователя перед самыми сложными проблемами референции. Сведения, которые тем не менее обычно приводятся, по своему статусу не являются ни в коей мере фрагментами алгоритма анализа, но являются сведениями, обеспечивающими синтез. Как хорошо известно, такие сведения на практике способны удовлетворять потребность пользователя, осуществляющего реально анализ: человек — пользователь словаря обращается эксплицитно к информации, данной ему в словаре, и имплицитно — к сведениям, известным ему как носителю естественного языка. Соответственно, статус приводимых сведений — не обеспечение эффективной процедуры анализа, обнаруживающего актанты данного S_0 , но лишь фиксация наблюдаемых актантов и их важнейших свойств.

3) **Интерпретация мест.** Известная проблема отождествления стрелок зависимостей уходит далеко в глубины пока еще не разработанных проблем синтаксиса и семантики. Попытки исходить из интерпретированных стрелок (ср. хотя бы семантические падежи Ч. Филлмора) показывают наглядно замысел соответствующей более мощной теории, но не обеспечены пока эмпирическими применениями.

Наблюдение поведения операторных служебных слов с очевидностью показывает, что все возможные их операнды сводятся к резко ограниченному числу типовых представителей. Другими словами, конкретные операнды данного S_0 допускают интерпретацию в терминах какой-то обобщенной номенклатуры, обеспечивающей межлексемную сопоставимость. Так, в приводимых примерах представлены операнды следующих типов: часть/элемент — целое / класс; объект — ассоциированное множество объектов; утверждение (сокращенно утвержд) и сообщение (сокращенно сообщ). Очевидно, что до тех пор, пока не будет обработан достаточно представительный корпус служебных слов, обеспечивающий вычерчивание полного логического пространства возможных типов операндов, до тех пор вопрос о самостоятельности vs. тождестве двух данных видов операндов не может получить обоснованного решения. Не располагая в настоящее время достаточным объемом материала, мы все же решились фиксировать в предварительном порядке тип операнда, предполагая, что список обобщенных операндов будет в дальнейшем уточняться по мере накопления новых данных. Соответственно, пока мы не можем с необходимой четкостью определить, почему одни типы операндов у нас различаются, а другие — отождествляются. Так, например, возникшее в рабочем порядке противопоставление «утверждения» и «сообщения», быть может, избыточно, однако пока целесообразнее, само собой разумеется, сохранить большее число противопоставлений.

4) **Ограничения на заполнение мест.** О статусе этих ограничений как требований к операндам уже говорилось в начале настоящего параграфа. Заметим дополнительно, что, во-первых, ограничения формулируются как в самой таблице, так и в дополнительных комментариях. Во-вторых, в силу уже отмечавшихся обстоятельств авторы позволяют себе намеренно максимальную вольность в форме изложения фиксируемых ограничений: если удастся сформулировать требования на языке членов предложений, то такой язык мы считаем уместным так же, как и язык описаний логико-референтного статуса каких-либо компонентов наблюдаемых актантов. В конце концов наша задача — всего лишь представить эмпирические сведения в удобной для обозрения форме.

Зона 4. (условное название «Проверка»). Для ряда служебных слов удастся сформулировать текст, позволяющий прове-

ритель семантическую и/или синтаксическую допустимость их употребления в том или ином контексте.

Зона 5. Правила употребления. Здесь приводятся важнейшие правила, обеспечивающие как правильное понимание предложений с данным словом, так и правильное построение наиболее характерных для данного слова конструкций. В частности, обязательно сообщаются сведения о месте данного слова в предложении, о его сочетаемости с отрицанием и вопросом, а также о сочетаемости с другими служебными словами. Каждое правило иллюстрируется положительными и отрицательными примерами.

Зона 6. Парадигматические связи. Эта зона вводится условным названием «Ср.». В ней указываются — выборочно — служебные слова и словосочетания, системно связанные с данным (в частности, неточные синонимы и антонимы).

Зона 7. Иллюстрации (дается без названия).

Зона 8. Отделяется символом «ромб» ($\diamond$). Здесь приводятся словосочетания, по функциям или значению приближающиеся к отдельным служебным словам и содержащие описываемое в данной статье слово (например, *а между тем, хотя и, до того как, постольку поскольку, если и только если, даже если и т. п.*). Общий объем словаря удается сократить за счет использования отсылок к другим статьям, во избежание дублирования одной и той же информации. Так, фактически одна разработка обслуживает такие статьи, как *ввиду и в силу, исключая и кроме*.

§ 3. Образцы словарных статей

ВКЛЮЧАЯ, предл. (омоним., деепр.) [1] *Этот стол (Y), включая ножки (X), Петя сделал сам (P)* $\approx$ «Этот стол Петя сделал сам; ножки — часть стола; Петя сам сделал ножки; если бы ножки сделал не Петя, считалось бы истинным высказывание „Этот стол Петя сделал сам“, но в данном случае и ножки Петя сделал сам». [2] *Вскоре уехали (P) все гости (Y), включая родственников (X)* $\approx$ «Вскоре уехали все гости; родственники входят в число гостей; родственники уехали; если бы родственники не уехали, считалось бы истинным высказывание „Вскоре уехали все гости“, но в данном случае родственники тоже уехали».

Обязательные смысловые связи. 1. часть/элемент «кто/что включается». 2. целое/класс «частью чего является». 3. утвержд «что утверждается».

1 (= X) часть/элемент [кто/что включается]	2 (= Y) целое/класс [частью чего является]	3 (= P) утвержд [что утверждается]
$N^1_{\text{ни}}$	N^2	ПРЕДЛ ¹²

Все валентности должны быть заполнены. N^2 — синтаксически подчинено сказуемому ПРЕДЛ-а; может быть подлежащим, дополнением,

¹² N — символ субстантивных классов слов, обозначение *вин* под строкой — винительный падеж, верхний индекс при N указывает, что N^1 и N^2 в предложении — разные слова; символы X, Y, P обозначают фрагменты предложения, заполняющие первую, вторую и третью валентности соответственно, ПРЕДЛ — символ предложения.

обстоятельством. Первой смысловой валентности в предложении соответствуют не только N^1 , но и все слова, синтаксически зависящие от него; аналогично для N^2 . Нежелательно: наличие в предложении нескольких кандидатов на роль N^2 : * *Он говорил о всех своих пациентах со своими друзьями, включая Андрея*, однако можно: *о всех своих пациентках*. Нежелательно: N^2 в косвенных падежах: ?*Он отказал всем студентам, включая Максима* (лучше: *в том числе Максима*); ?*Он доволен детьми, включая Петю* (лучше: *в том числе Петей*).

П р а в и л а у п о т р е б л е н и я. Нормальный порядок слов: $Y + +$ включая $+ X$; P — либо левее Y , либо правее X . Нежелательно: Y далеко от X . Ср.: **Этот стол Петя сделал сам, включая ножки*; * *Включая Петю, все ребята пели* (надо: *Все ребята, включая Петю, пели* или: *Пели все ребята, включая Петю*). Мена порядка может менять смысл: *Наши гости знали всех ребят (Y), включая Петю (X) ~ Наши гости (Y), включая Петю (X), знали всех ребят*. Оборот включая X выделяется запятыми. В разговорной речи употребление оборота несколько ограничено. Включая нельзя употребить, если (i) часть предложения, оставшаяся после вычитания оборота включая X , не позволяет осмыслить с достаточной определенностью целое или класс; последний должен при этом интерпретироваться как полное множество («все такие...»). Необходимо также, чтобы (ii) часть или элемент осмыслились бы как периферия целого или класса, а не как обязательная составляющая последнего. Ср.: **Хорошо тому, у кого есть дети, включая дочь* — утверждается не наличие полного множества («все дети»), а только наличие хотя бы одного элемента («непустота множества детей»). Также **Хорошо тому, у кого много детей, включая дочерей* (здесь много детей — не полное множество); однако можно: *Хорошо бы пригласить много / побольше детей, включая Усевичей* (здесь много детей — полное множество: «все приглашенные, причем их много»). Ср.: *Угости мороженым всех детей, включая Степу*. Слушающий должен понять, что Степа по каким-то причинам мог бы и не входить в множество детей, которых предполагается угощать мороженым (или Степа — подросток, «уже не дитя», или Степа только что съел мороженое, тогда как другие еще нет и т. п.¹³). Также: *Он купил детям для школы все, включая мешочки для завтраков* (без них можно обойтись), включая форму (форму могут выдать в школе), включая тетрадки (без тетрадок обойтись нельзя, в школе их не выдают и т. п.). Включая нельзя употребить, если из осуществления утвержд для целого тривиально следует осуществленность того же утвержд для части. Ср.: **Он продал свой дом, включая крышу*, но *Он продал свой дом, включая участок* (участок мог бы и не продавать вместе с домом); Также: *Он покрасил свой дом, включая крышу*.

О т р и ц. Неверно, что $(Y, \text{включая } X, P) = ?$ ¹⁴. Возможно отрицание в пределах утвержд: *Он не любил никого из своих товарищей, включая Петю*. Ср.: *в том числе, даже, за исключением, и, исключая, и следовательно, кроме, вплоть до*.

Во всех романах М. Булгакова, включая «Белую гвардию», публицистическая мысль автора спрятана в глубинах образа.

¹³ Этот пример показывает, что слово включая дает слушающему инструкцию искать мотивировку, которая позволила бы осмыслить $X (= \text{Степа})$ как периферию $Y (= \text{дети})$.

¹⁴ Здесь знак ? означает, что отрицание выражения после «Неверно, что» не имеет однозначного осмысления.

ДАЖЕ, част., усилит.-выделит. [1] *Даже Петя опоздал на доклад* ¹⁵ = «Петя опоздал на доклад (Р), какая-то группа людей (М) опоздала на доклад; Петя (Х) выделен из этой группы как человек, для которого опоздание на доклад менее вероятно, чем для остальных». [2] *Петя даже танцевал* = «Петя танцевал; Петя делал еще что-то [напр., произносил тосты, пел...]; танцевать для Пети менее вероятно, чем другие действия, которые он мог бы совершить [произносить тосты, петь...]».

Обязательные смысловые связи. 1. объект «выделяемый объект» (Х). 2. класс «ассоциированное множество объектов» (М). 3. утвержд «что утверждается об объекте» (Р). Ср.: *Фашисты даже пытали Костю*; здесь объект — действие *пытать*, класс — множество действий, ассоциированных с *пытать* по признаку «насильственные действия» [= требования, угрозы,...], утвержд — пытку производили фашисты над Костей. Объект может быть выражен в предложении как словом, так и целым словосочетанием вплоть до предложения; выделяемое слово или главное слово выделяемого словосочетания могут быть существительными, прилагательными, глаголами или наречиями. Ср.: *даже красивые* (Х) *женщины*..., *даже очень* (Х) *плохой пирог*..., *даже хороший учитель математики* (Х). Класс может быть явно указан за пределами простого предложения. Ср.: *Даже Петя (Х) опоздал на доклад, не говоря уже обо всех остальных (М)*.

Проверка. Предложения с *даже* должны допускать продолжения, проясняющие класс М; *Даже Петя не пошел в школу* [тем более Миша / а уже Миша и подавно]. Ср.: **Даже в полдженный час нам давали ужин* [?тем более в другое время].

Правила употребления. Обычно *даже* ставится непосредственно перед выделяемым словом или словосочетанием. Однако: 1) нельзя разрывать существительное с согласованным с ним определением: **слабым даже просветом*; **этот даже словарь* (надо: *даже слабым просветом*; *даже этот словарь*); 2) при сочетании выделяемого слова с полужнаменательным глаголом *даже* предпочтительней ставить перед глаголом: ?*Он был даже в армии* (лучше: *Он даже был в армии*); ?*Дочка стала даже послушной* (лучше: *Дочка даже стала послушной*); 3) при Х = все предложения без *даже* слово *даже* может помещаться либо в абсолютном начале предложения, либо вклиниваться внутрь предложения, занимая в нем «не свое место» ¹⁶; в разговорной речи возможно *даже* после выделяемого слова: *Пообедать даже — и то некогда!*

Даже нельзя употреблять: А. Если нарушены требования к объекту и классу, а именно — (i) не должна быть задана единственность объекта: **Даже Миша — мой отец* (для объекта «отец» задана единственность), ср. *Даже Миша — мой друг*; **Это была даже та девушка, с которой я вчера познакомился / принял участие в празднике*; (ii) класс должен осмысляться как определенный для говорящего и слушающего: **Даже кто-то хочет позвонить в Москву*, ср.: *Кто-то хочет позвонить даже в Москву*; (iii) должен легко устанавливаться признак, объединяющий элементы ассоциируемого множества: **Миша спал, а Петя даже разговаривал по*

¹⁵ В Словаре в ряде случаев используется или сообщается информация о фразовом ударении. Здесь фразовое ударение фиксировано во входе толкования; оно отмечается знаком \ над ударным слогом слова — носителя фразового ударения.

¹⁶ Такое употребление с точки зрения порядка слов называется смещенным (ср. смещенное отрицание) [13].

телефону, ср.: Миша отдыхал, а Петя даже спал. Б. Если *X* отвечает слову, входящему в состав фразеологического оборота: *не видно даже ни зги, *каков бы даже ни был, *он производил даже впечатление интеллигентного человека, но: Завод производил даже холодильники; Завод даже производил холодильники. В. Если слово (*X*) входит в сочетание с союзом или: *Даже Миша или Саша узнают это раньше других. Ср. также: ?Даже учителя математики знают таблицу умножения (для учителей математики не естественно не знать таблицу умножения); ?У меня несчастья каждый день, а я смеюсь, даже улыбаюсь (если кто-то смеется, то он улыбается, но можно улыбаться и при этом не смеяться), правильно: У меня несчастья каждый день, а я улыбаюсь, даже смеюсь.

О т р и ц. Неверно, что (Даже Петя опоздал) = ?. Возможные выражения этого смысла: Уж Петя-то не опоздал; Петя-то, конечно, не опоздал. Однако при даже допустимо утвержд, содержащее отрицание: Даже Петя не опоздал.

В о п р о с и т. Вопрос (Даже Петя опоздал) = Даже Петя опоздал?; Что / Как / и / Петя опоздал?; Неужели / неужто (разг.) Петя опоздал?

В одном простом предложении не может быть двух даже: *Даже Петя даже опоздал.... Даже плохо сочетается с другими усилит.-выделит. словами, а именно с теми, которые противоречат его содержанию: *даже только..., *даже единственный..., но возможно: Даже и думать не смей об этом!

С р. и (част.), именно, неужели, -таки, только, -то. Но куклы даже в эти годы Татьяна в руки не брала (Пушкин). Так я был поражен этим случаем, что даже ум во мне помутился (Достоевский). Ты так резко с ним говорил, что, по-моему, Володя даже слегка обиделся.

◇ даже и, даже если.

П р и м е ч а н и е. Ниже показано, как меняется осмысление предложения со словом *даже* в зависимости от постановки *даже* перед одним или другим словом предложения: (а₁) *Даже Петя опоздал на доклад* [тем более Миша]; (а₂) *Даже Петя опоздал на доклад* [тем более никто не успел позавтракать]; (б) *Петя опоздал даже на доклад* [тем более на открытие собрания]; (в) *Петя даже опоздал на доклад* [тем более не успел к нему подготовиться]; (г) *Петя даже опоздал на доклад* [тем более не успел позавтракать].

1 (= X) объект [выделяемый объект]	2 (= M) класс [ассоциируемое множество]	3 (= P) утвержд [что утверждается об X]
(а ₁) Петя	множество людей, которые могли бы опоздать	X опоздал на доклад
(а ₂) Петя опоздал на доклад	множество других отступлений от нормального порядка, не связанных с Петей	X имело место
(б) доклад	то, куда мог опоздать Петя	на X опоздал Петя
(в) опоздание	множество других действий, связанных с докладом	Петя на доклад X

Образец подстатьи

А₂ (А несоответствия) [1] Близится весна, а мороз все сильнее ≈ «Близится весна (P₁) и поэтому, вообще говоря, следует, что мороз не должен становиться сильнее [= должен становиться слабее]; мороз все сильнее (P₂) [2] Она ушла в кино, и уроки не сделаны = [1] Уроки не сделаны, а она

ушла в кино. [3] *Ближится весна, а дети не снимают шуб* $\approx$ «Ближится весна (P_1) и поэтому, вообще говоря, следует, что становится теплее (R); дети не снимают шуб (P_2) и поэтому, вообще говоря, следует, что не становится теплее [неверно, что R]».

Пояснение к [3]. Несоответствие здесь — в противоречии следствий — R и неверно, что R — ввиду чего либо «весна пришла, но еще холодно, и потому дети не снимают шуб», либо «весна пришла, стало тепло, но дети по какой-то причине не снимают шуб». Предложения типа [3] можно представить как результат объединения двух альтернативных суждений, построенных по типу [1]: То ли «ближится весна, а теплее не стало», то ли «стало теплее, а дети не снимают шуб».

Обязательные смысловые связи. 1. сообщ «что имеет место» (P_1). 2. сообщ «что имеет место» (P_2). Обе валентности должны быть заполнены предложениями (произвольного синтаксического типа, в том числе неполными). Ср.: *Мальчик* (P_1), а *философ* (P_2).

Проверка. A_2 в варианте [1] допускает замену на союз *хотя* (*хоть*), который ставится перед первым предложением: *Хотя близится весна, мороз все сильнее*. Также для [2], предварительно поменяв порядок предложений. Для [3] проверка с *хотя* невозможна.

Правила употребления. A_2 ставится только между первым и вторым предложениями. Ср.: **А мороз все сильнее, весна близится*. A_2 нельзя употреблять, если между сочиненными компонентами нет несоответствия. Поэтому, если факт соответствия не следует из знания действительности, а употреблено A_2 , то функцию указания не такое соответствие исполняет само A_2 . Ср.: *Чемодан полон, а вещи еще остались* = «Чемодан полон, говорящий считает, что из этого следует, что вещи некуда [= не существует места, куда] положить; вещи еще остались; говорящий считает, что из этого следует, что их надо куда-то [= должно существовать место, куда] положить».

Ср. и, (и) следовательно, но, (и) поэтому, хотя.

Больным велено забер-суп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос. Свежо предание, а верится с трудом. <Ты, верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?> *Обед хороший, славное вино, а ты молчишь и хмуришься* (Пушкин).

♦ *а между тем, а ведь, а в то же время, а тем не менее, а все-таки.*

Образцы отсылочных статей

ВО см. В НАПРОТИВ, см. Наоборот
БЛИЗ см. Вблизи ВСЯК (прост) см. Всякий

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различных стран. М., 1972.
2. Крейдлин Г. Е. Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1979.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М. 1974.

4. Поливанова А. К. О семантическом анализе глаголов *верить, думать, знать*. — В кн.: Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Тезисы докладов и сообщений школы-семинара «Кутаиси-85». М., 1985.
5. Борщев В. Б., Хомяков М. В. Клубные системы (формальный аппарат для описания сложных систем). — НТИ, сер. 2, 1976, № 8.
6. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции.) М., 1982.
7. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. — В кн.: Семантические типы предикатов. М., 1982.
8. Крейдлин Г. К., Рахилина Е. В. Денотативный статус отглагольных имен. — НТИ, сер. 2, 1981, № 12.
9. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесение с действительностью. М., 1975.
10. Манин Ю. И. Доказуемое и недоказуемое. М., 1979.
11. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
12. Манин Ю. И. О функционировании естественного языка в научных текстах. — В кн.: Структура текста-81: Тезисы симпозиума. М., 1981.
13. Богуславский И. Н. О понятии смещенного отрицания. — В кн.: Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 107. М., 1978.